

Boundary conditions of existence

Serov, Nikolay Viktorovich

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Serov, N. V. (2012). Boundary conditions of existence. *Modern Research of Social Problems*, 2, 1-34. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-401757>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier: <http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see: <http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

УДК 001.8.+008.1+111.17+229+361

ГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Серов Н.В.

Цель настоящей работы представляет собой реализацию новой методологии гуманитарных наук (методологии хроматизма) на примере моделирования различных социальных систем. Эта методология позволила создать информационные модели определенных проблем современного общества в ракурсах онтологии при нормальных (N) и экстремальных (E) граничных условиях существования. Документы мировой культуры и понятия «цвет», «хром-планы», «граничные условия» привели к построению таких информационных моделей как «атомарная»/архетипическая модель интеллекта (АМИ), межконфессиональная имманентность религиозности (МИР), стратификационная модель аксиолого-социальной семантики (МАСС). Понятия «дух», «душа» и «тело» коррелировали с определенными 'цветами' и 'социальными стратами', которые моделировались релевантными хром-планами. МАСС позволила выявить основные факторы взаимоотношений власти, интеллигенции и толпы. Принципы межличностного взаимодействия в социуме оказались зависимыми от различных доминант хром-планов АМИ и/или МИР'а при различных (N или E) условиях существования МАСС.

Ключевые слова: методология хроматизма, информационные модели сложных систем, нормальные и экстремальные условия существования, стратификация общества.

BOUNDARY CONDITIONS OF EXISTENCE

Serov N.V.

The purpose of the work represents realization of new methodology of the humanities (methodology of chromatism) by the example of modelling various social systems. This methodology has allowed to create information models of the certain problems of a modern society in foreshortenings ontology at normal (N) and extreme (E) boundary conditions of existence. Documents of global culture and concept "color", "chrom-plans", "boundary conditions" have led to construction of such information models as "atomic"/archetypical model of intelligence (AMI), global immanence of religiousness (GIR), stratification model of axiology-social semantics (MASS). Concepts "spirit", "soul" and "body" correlated with certain 'colors' and 'socials strata', which were modelled by relevant chrom-plans. MASS has allowed to reveal major factors of mutual relations of authority, intelligency and crowd. Principles of interpersonal interaction in society appeared dependent from various dominants of chrom-plans AMI and-or GIR under various (N or E) conditions of existence of MASS.

Keywords: methodology of chromatism, information models of complex systems, normal and extreme conditions of existence, stratification of a society.

ВВЕДЕНИЕ

Решение проблем современного общества при методологической и, следовательно, терминологической дифференциации аксиологического и онтологического подходов к анализу принципов «сознания», мышления и коммуникации членов сообществ, по определению, учитывает принципы межличностного взаимодействия в социуме как сложной саморазвивающейся открытой системе и их связь с понятиями социальной психологии (общество, группы, гендер, сознание и др.) в зависимости от тех или иных условий существования.

Вместе с тем, в целях однозначности, которой характеризуется любая научная парадигма, в «Цвете культуры» мы уже нашли критерии различия этих условий, определенные историей мировой культуры. Причем эта парадигма в

ходе логических рассуждений приобрела и черты, которые П.Н. Шихирев [32, с. 17] обосновал в своем анализе тенденций развития современной социальной психологии. Отмечая многоаспектность свойства «социального», он подчеркивает роль духовности в новой парадигме, – духовности, которая наполняет социальное этическим содержанием, то есть отношениями людей. При этом, по И.Р. Сушкову [22, с. 125], духовность должна быть признана системообразующим свойством социального взаимодействия, которое разворачивается в ходе обмена оценками, создавая тем самым ценностные отношения, эмпирическим референтом которых служит образ, как объективированное переживание. Иначе говоря, авторы этих и многих других исследований включают духовность в социальность, т.е. акценты ставятся на столь привычной для социальной психологии дихотомии как «биологическое – социальное», по существу, элиминируя собственно духовность Культуры.

Другое представление о духовности, согласно Эриху Фромму [29, с.134-136], состоит в признании того, что «ценности присущи обществу. Защитники этой позиции исходят из предпосылки, согласно которой выживание любого общества с его собственной социальной структурой и противоречиями должно быть высшей целью для всех членов его и, следовательно, нормы, способствующие выживанию данного общества, — это высшие ценности и обязательны для каждого индивида. С этой точки зрения этические нормы тождественны социальным, а социальные нормы служат увековечению данного общества, включая его несправедливости и противоречия. Очевидно, что правящая обществом элита использует все имеющиеся в ее распоряжении средства для того, чтобы придать социальным нормам, на которых покоится ее власть, видимость священных и универсальных, изображая их то как результат Божественного откровения, то как принадлежность человеческой природы.

Ценным и благим считается все, что содействует более полному развертыванию специфически человеческих способностей и что поддерживает жизнь. Отрицательным или плохим является все, что подавляет жизнь и

парализует внутреннюю активность человека. Все нормы великих гуманистических религий — буддизма, иудаизма, христианства, ислама — или великих философов-гуманистов, начиная с досократиков и кончая современными мыслителями, представляют собой специфическую разработку этого общего принципа ценностей. Преодоление собственной алчности, любовь к ближнему, поиск истины (в отличие от некритического знания фактов) — вот цели, общие всем гуманистическим философским и религиозным системам Запада и Востока. Человек смог открыть эти ценности только по достижении определенного социального и экономического уровня развития, оставлявшего ему достаточно времени и сил для размышлений исключительно о том, что находится по ту сторону чисто физического выживания... Нет сомнений в том, что в данной фазе индустриального общества претворение в жизнь указанных ценностей все больше затрудняется именно потому, что овеществленный человек почти не ощущает в себе жизни, вместо этого следуя принципам, запрограммированным для него машиной».

Наука познаёт мир рационально. Знание рационально, если оно рационально объяснено. И здесь-то вслед за Михаилом Хеллером [30, с. 188] у нас возникает весьма злободневный вопрос: «почему мы должны рационально объяснять наши убеждения? Почему стратегия рациональных объяснений так эффективна в исследовании мира? Нельзя дать рационально объяснимый ответ на первый из этих вопросов». Попытаемся пойти дальше, то есть попытаемся рационально доказать утверждение, что всё должно быть рационально объяснено. Однако наше объяснение (наше доказательство) не в состоянии предположить, что именно оно призвано объяснять (доказывать). Поэтому мы не можем предполагать, что наши убеждения должны быть рационально объяснимы. Соответственно, когда мы строим наше доказательство, мы не можем использовать рациональные средства доказательства (потому что они предполагают, что мы должны доказать нечто), то есть доказательство не может быть произведено.

И как это показывает М. Хеллер, у нас нет иного пути выхода из этой дилеммы, кроме осознания, что постулат о необходимости рационально объяснять наши убеждения является нашим выбором. У нас есть два варианта, и мы должны выбрать один из них: или, когда мы занимаемся наукой, мы делаем это рационально, или мы признаём иррациональный способ заниматься наукой. Рациональность – это ценность. Это легко можно увидеть, противопоставив рациональность иррациональности. Мы оцениваем рациональность как нечто хорошее, а иррациональность — как нечто плохое. Когда мы выбираем рациональность, мы выбираем нечто хорошее. Следовательно, это нравственный выбор. Этого вывода не удаётся избежать: в самом основании науки стоит нравственный выбор, на представлении которого мы для начала и остановимся, чтобы в заключении это положение рассмотреть не только в науке, но в обыденной жизни.

Рациональность и религиозность

Ввиду тесных связей, объединяющих общества во всем мире, а также ввиду исчезновения многих форм традиционных социальных систем, изучение религии не может происходить путем познания институтов отдельного общества, – «необходим сравнительный подход», – заключает И.В. Астэр свое исследование [2, с. 173] Ибо, как и во времена становления Церкви, - когда христианство стало объединять «ранее связанные Римом» народы [4, с. 186-205], – так и сейчас, в период глобализации, требуется новая идеология.

Маловероятно, что для этого могут быть использованы рыночные или, наоборот, коммунистические идеи. Ибо первые разделяют общество на «индивидов потребления», а вторые элиминируют личность общественным (строго говоря, государственным) устройством. Вместе с тем крах постмодернизма, – упорно провозглашавшего деконструкцию бытия, а вместе с ним и элиминацию остатков традиционной культуры, – ставит весьма актуальный вопрос о культурных традициях и создании на их основе идеологии глобализма, единой для всего человечества. Что для этого требуется?

По-видимому, сначала необходимо создать теорию, которая органично объединила бы всевозможные представления, идеи и религиозные устремления различных культур. Еще в начале XX века Уильямс Джеймс [7, с. 394-397] проанализировал интеллектуальное содержание различных религий и доказал их субъективную полезность для человечества. В то же время, утвердительно отвечая на вопрос, есть ли во всех противоречащих друг другу религиозных убеждениях некое общее ядро, он отмечал: «беспристрастная наука о религиях может выделить из разногласия этих споров общий остов учения, который она должна облечь в такую форму, чтобы оно не противоречило выводам естествознания. Это общее всем религиям учение наука о религиях должна принять за примиряющую гипотезу, в которую могли бы уверовать все без исключения люди». Представим этот весьма сложный вопрос на уровне информационной модели открытой саморазвивающейся системы, в которой характеристическими в отношении людей являются архетипические референции хроматических универсалий.

Поскольку под «информационными моделями» в хроматизме принято понимать построение таких алгоритмов и/или представлений о сложной системе, которые включают исключительно ее характеристические функции и/или свойства, то легко убедиться, что на протяжении тысячелетий цветовые референции достоверно воспроизводились в истории человеческой культуры. Это и дало основание полагать их надежной основой для создания архетипической модели интеллекта, которая и сегодня позволяет выявлять как личностную, так и социальную идентичность путем неосознаваемого обращения к коллективному бессознательному человечества [35]. Действительно, согласно данным О.И.Уляшева [28, с. 354-358], в диа- и синхроническом сопоставлении фольклорных текстов и меморатов выявляется как значительная сохранность фундаментальных колористических представлений, так и изменения, которые произошли в ходе самостоятельного развития, обусловленного изменившимися географическими и культурными

условиями обитания. В зависимости от цвета стихии, реализованного в том или ином обряде, мифологическом нарративе, вербальном тексте, а также от хроматически отражаемого нормального (N) или экстремального (E) характера ситуации формируются антропоморфные образы субъективированных и гендерно обозначенных божественных существ, в которых выражается совокупность сложных взаимосвязей, отношений частей мироздания, человека (как одной из этих частей) с миром, и в то же время человека и мира, как самостоятельных и равных субъектов. Это связано с тем, что передаваемый цветовыми канонами, если можно так сказать, «внетелесный» характер цвета онтологически соотносится с его «идеальностью» по отношению к телу и, в силу вышесказанного, можно предположить непосредственную связь цвета с архетипическими атрибутами культур.

В связи с этим вспоминаются размышления Дэвида Мацумото [16, с. 115] о цветовых концептах культуры и их неосознаваемых оттенках. «Культура сама по себе – сложный феномен, ни белый, ни черный, но изобилующий оттенками серого цвета, – подчеркивает Д. Мацумото. – Лишь объективный и опытный исследователь может обращаться с этими серыми, переходными зонами, создавая логичную, валидную и надежную интерпретацию, подтвержденную данными. И лишь проницательный потребитель исследования может спокойно оценить собственным умом интерпретации данных и не быть полностью захваченным аргументами исследователей». Следовательно, нашей задачей является предъявление данных согласно критериям научной идеализации.

В «Психологии исторической культурологии» я показал, что геометрию цветов принято изображать в виде цветового круга, на диаметрах которого представлены *дополнительные цвета*, в сумме дающие нейтральный серый ‘цвет эгалитарности’. При этом цветовой круг может быть зеркальным отображением или творческого, или рационально-упорядочивающего подходов. Любопытно, что как *зеркало времен* меняет левое направление на

правое, так, например, и крестное знамение православных в зеркальном отражении соответствует крестному знамени католиков.

Казалось бы, может возникнуть вопрос о правильности того или иного знамения, о истинности символов веры и т.п. Однако глобальный миропорядок в качестве ценности и реального положения дел включает в себя религиозный плюрализм. Это значит, что ни одна религия не может рассматривать себя как доминирующую вероучительную систему и любой из них необходимо выстраивать диалоговые взаимоотношения с другими [20, с. 76]. Что же может быть общего в этих взаимоотношениях различных религий, как ни цвет, наиболее часто воспроизводимый в Священных писаниях. Обратим внимание на частотность – отдельно среди ахромных и полихромных – цветов, что позволяет нам не только выделить их максимумы, но и получить обобщенные сведения о доминирующем цвете как для аксиолого-темпоральной шкалы (белый-черный), представленной в «Хроматизме мифа», так и для хроматической характеристики каждой конфессии в таблице 1:

Таблица 1. Цветовая частотность в Священных писаниях мировых религий

Цвет	Индуизм-Буддизм ¹		Конфуцианство ²		Ветхий завет - Новый завет ³		Коран ⁴
Белый	37	38	16	4	32	36	10 (10)
Черный	18	17	0	8	10	4	13 (14)
Пурпур	4(багр)	2 (роз)	0	0	32 (+7 багр)	13 (багр)	1(багр) (0)
Красный	17	24	5	3	24	4	1 (3)
Желтый	3	8	32	3	3	0	5 (4)
Зеленый	2	4	0	0	16	6	8 (8)
Голубой	7	0	0	0	40	0	1 (1)
Синий	3	4	3	0	13	0	0 (0)

Примечания к табл.1:

1. Слева: Махабхарата. Рамаяна. М.: ХЛ, 1974. 607 с. Справа: РАМАЯНА. / П.А. Гринцер (Ред.) М.: Наука, 2006. 890 с.
2. Слева: Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «КНИГА ПЕРЕМЕН» М.: Вост. лит., 2003. 606 с. Справа: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. - М.: Восточная литература, 2001.- 588 с.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. М.: Меридиан, 1991. 925 с. + 296 с.
4. Коран. / Пер. И.Ю. Крачковского. М.: Трекингтур, 1990. 728 с. (Коран / Пер. с араб. Г.С.Саблукова. Казань: Ц.тип., 1907. 1161 с.)

В таблице 1 приведены цветообозначения, которые встречаются хотя бы в одном из писаний, и не упомянуты отсутствующие (серый, оранжевый, фиолетовый и др.). Разумеется, настоящая попытка никак не претендует на окончательный вывод о цветовых сублиматах упомянутых конфессий, поскольку охватывает лишь малую часть документов мировой культуры. Помимо этого, разумеется, исследования оригинальных документов позволят и более обоснованно установить доминантные цвета тех или иных религиозных направлений Востока.

Рассмотрим с этих позиций изменение доминирующих цветов и архетипических символов в истории мировой религии. К примеру, зороастризм характеризовался архетипическими фигурами «мужественного» огня и «женственной» воды, обыкновенно связанных с дополнительными красновато-желтыми и сине-голубыми тонами, соответственно.

Иудаизм объединил в себе эту взаимодополнительность до внутреннего единства, где архетипической фигурой считалась священная звезда Давида женственных сине-голубых тонов, образование которой можно представить совмещением «женского и мужского треугольников», рассмотренных нами в 3-ем издании «Лечения цветом». Легко видеть, что звезда Давида, вписанная в цветовой круг, передает все гендерные характеристики обоих партнеров, элиминируя андрогинные.

Практически одновременно с этим возникли красные и синие цвета индуизма, архетипической фигурой которого являлась чakra синих тонов. Вообще говоря, выявление цветовой частотности по всем книгам Махабхараты и многих других источников индуизма могло бы дать, с одной стороны, подтверждение/опровержение теории Берлина-Кея, а с другой, подтвердить или опровергнуть датировку отдельных источников. В настоящее время индуизм существует в виде вишнуизма (кришнаизма) и шиваизма, характеризующихся синим и белым цветами. Вместе с тем синяя чakra осталась неизменной и представлена в качестве объединяющего архетипа на государственном флаге

Индии. В свою очередь, дополнительным цветом к этому синему должен был возникнуть оранжевый цвет буддизма. Соотношение полихромных цветов в табл.1 позволяет предположить вероятность красных тонов сублимата для Индуизма и оранжевых для Буддизма, что, вообще говоря, согласуется и с окраской одежд их адептов.

Приведенные данные подтверждают архетипический характер и желтого сублимата для Конфуцианства, что, быть может, обусловлено и мифологемой «Хуан-ди» Желтый император (2697 - 2597 гг. до н.э.) – мифический правитель Древнего Китая, почитаемый традицией как родоначальник китайской народности. [8, с. 189]. Однако сразу же отметим, что вне мифологии желтый сублимат характеризовал лишь императоров Маньчжурской династии Цин (1644 – 1911) [27, с. 98-99]. Ранее же были и белые сублиматы династии Инь (XVII — XI вв. до н.э.), и красные – династии Чжоу (XI - III вв. до н.э.) и т.п. [5, с. 62 сл.]. Да и желтый никогда не приписывался только императору, как об этом говорится во многих изданиях по семантике цвета [42; 45, p.71].

Подобно желтому в Китае, известна и абсолютизация пурпура в Риме [41, pp. 3-9, 82, etc], на критике чего мы не будем останавливаться, ибо всегда следуем основополагающему принципу хроматизма – принципу относительного детерминизма. В христианстве первоначальным символом был принят равносторонний крест как классический символ женственного спокойствия и мужественной позитивности [12; 18] Как в христианской, так, к примеру, и в китайской символике креста первым указывают "небесное", т.е. продольно-вертикальное (цзин, цзун), направление, вторым - "земное", т.е. поперечно-горизонтальное (вэй, хэн), что соответствует стандартному соотношению их значимости [10, с. 360], окончания которого **в цветовом круге** «учитывали» социальные и гендерно-андрогинные характеристики партнеров. Поскольку раннее христианство характеризовалось женственностью, канонизированной в ветхозаветно-пурпурных цветах Софии, а затем и Девы Марии, то крест как архетипическую фигуру раннего

христианства можно сопоставить с пурпурным («багряным») наряду с белым сублиматом, ибо «Слово было Бог» (Иоанн 1: 1) В хроматизме вербализация соотносится с женственными 'белым' Мт планом АМИ и/или с 'пурпурным' Мf планом АМИГО. Поэтому старообрядцы, например, красный цвет в одежде считают предосудительным, особенно для женщин: «Красный бес на бабу влез» («Сарафан») [28, с. 293].

Фигуральный архетип ислама объединил звезду Давида и крест, скрывая в себе их внутреннюю структуру правильным восьмиугольником, образованным наложением друг на друга по диагонали двух квадратов с сохранением линий их перекрещивания. При этом возник – оппозиционный к женственным цветам христианства – «священный патриархально-зеленый цвет». Особенный характер этого цвета подчеркивается исламом, где зеленый — святой цвет одежд Мухаммеда и знамен его воинов. Райские сады зелены, как зелено «майское дерево». Поэтому зеленый присвоен одежаниям высшего духовенства ислама, а для большинства правоверных является праздничным цветом. Зеленые чалмы надевают паломники, возвращающиеся из Мекки [37, р. 34]. Так в райском саду истинно верующих обслуживают *отроки вечные и на них одеяния зеленые* (Коран 76: 19–21); так в зеленом цвете ислама соединились земное и небесное начала [17, с.75–76], Из цветовых кругов/образ-концептов МИР'а явствует, что зеленый «переворачивал» семантику цветового круга так, что мужская доминанта самосознания оказывалась над женственной субдоминантой правосознания. То есть, если в природе были экстремальные условия существования (безводные пустыни, пятидесятиградусная жара, песчаные бури и т.п.), то и социум стал уподобляться оным: создавались экстремальные условия существования с белыми одеждой мужчин в N условиях, которые практически во всех мифологиях и ритуалах приписывались им исключительно в E состояниях [38, pp. 56, 185]. С другой стороны, эта же экстремальность определяется и по ландшафту, где, судя по выводам

исследователей отмечаются желтовато-серая тональность окружения и редкие всплески голубовато-зеленых строений/внедрений [44, pp.176-189, 204-217, etc].

В хроматизме одной из взаимосвязанных областей изучения является гендерная проблема. С позиций ее модельного разрешения ислам оказывается религиозным направлением, в котором патриархальность общества доведена до своего логического предела. То есть того предела, когда *«высшая цель религии не правильная вера, а правильное действие»*, – как замечает Э. Фромм после исследования *рабской любви к отцовскому божеству*.

С учетом канонического запрета на изображения людей и живых существ, цветовой символизм в исламе имеет особую значимость – цвет становится одним из основных способов выражения в исламском мире. Возможно, именно поэтому еще во времена Пророка большое внимание уделялось не только зеленому, но и черному цвету. Обратим внимание и на эпистемологическую абсолютизацию именно черного и зеленого цветов как в табл.1, так и в трактатах Н. Кубры, Н.Д. Рази, А. Семнани и других суфистов [11; 19].

Запретный цвет одежды мусульман – цвет шафрана, оранжевый цвет – касается только мужчин. ... *“лучше не носить одежду цвета шафрана, учитывая, что этот цвет является цветом одежд буддийских монахов”* (О дозволенности ношения одежды определенного цвета см.[46]). Действительно, в буддизме оранжевый – цвет тела человеческого, т.е. как бы ‘голого’, но в одежде оранжевого цвета; или как заключал С.А.Токарев, *буддийская цель – войти в свое тело, чтобы узреть там дух* [26, с. 49]).

Исламское служение Богу может совершаться в любом месте, не обязательно в святынище, хотя правоверным предписано собираться в полдень в пятницу в общественном месте (62:9). Религиозная жизнь регламентируется институтами (представляющими собой в то же время и юридические нормы), а именно, пятью «Столпами Веры». Самый важный из «Столпов» — *салат*, богослужение, или молитвенный канон, содержащий ежедневное *пятикратное простирание ниц* (практически бахтинский переворот «верха» и «низа»

моделируется здесь переворотом АМИ – ‘черный’ S-план становится выше ‘белого’ М-плана); второй — это *закат*, узаконенное подаяние; третий — *саум*, пост с рассвета до сумерек в течение всего месяца рамадан; четвертый — *хадж*, паломничество; пятый — *шахада*, «исповедание веры», т.е. повторение формулы: «нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его». Эта формула не засвидетельствована в Коране буквально, но смысл ее присутствует там повсюду (ср. [47]: Бог милосерд и всепрощающ, Он простит любой грех, кроме отпадения от ислама - гласит мусульманская доктрина).

Вместе с тем религиозность характеризуется не только по формальному признаку. Так если «долларизм» США первоначально возник как идеал ни во что не верящих мужчин, готовых ради бизнеса нарушать и законы общества и религиозную этику, то и сегодня зеленый цвет религии доллара отвечает чисто мужской психологии процветающего бизнесмена США [38, р. 206-211]. Однако «зеленый архетип» бизнеса для мужчин всегда осуществлялся в условиях нормального существования общества, то есть на когнитивном уровне представлений, тогда как религиозность «зеленого архетипа» ислама – в экстремальных условиях аффективного возбуждения исламистами.

Возвращаясь к христианству, следует отметить, что в православии горизонтальная линия архетипа раннего христианства была поднята до уровня красного и фиолетового сублиматов в цветовом круге. Добавление же внизу креста косой линии (согласно эстетике восприятия форм, движение из левого верхнего сегмента в правый нижний принято называть «линией падения») привело к резкому отличию от католицизма. Так в православии «исчезла» телесная характеристика солнечной женственности («И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце» – Откр. 12: 1). Говоря языком хроматизма, желтый сублимат женственного бессознания был элиминирован сдвигом левого наверху косой линии от желтого к красному (сублимату маскулинности). Это толкование полностью подтверждается как иконографией,

так и литературой православных культур, где вплоть до настоящего времени наложен фактический запрет на изображение обнаженного женского тела.

Эта же «линия падения» одновременно разделяла идеально-духовные женственный (голубой сублимат женственного подсознания) и мужественный (фиолетовый) при элиминации синего сублимата религиозного единения полов. Это каждый может наблюдать в любом православном храме, где в отличие от западной церкви, среди верующих встречаются преимущественно женщины. Иначе говоря, первоначально онтологически материальная элиминация тела обнаженной женщины, по существу привела к идеальному представлению непознаваемой ипостатичности женской духовности в православии.

Католицизм, если можно так сказать, «исправил» положение дел, установив нижнюю перекладину горизонтальной, что предполагало практически полное соответствие шести концов креста шести углам звезды Давида, которую со времен Гете вписывали в цветовой круг. Таким образом, католичество «вернулось» к полному описанию гендерных характеристик мужчины и женщины. Благодаря сдвигу верхней перекладины цветовой архетип католичества оказался идентичным сублимату раннего христианства, однако в отличие от православия, акцентирующего красные тона, католицизм приобрел более фиолетовые оттенки [38, p.133].

Позднее форма креста в христианстве стала более разносторонней: четырех-, шести- (для изображения надписи, прибитой над головой распятого Христа) и восьмиконечная (с присовокуплением бруса для ног, что предполагало практическое отождествление концов восьмиконечного креста со всеми компонентами интеллекта).

Протестантизм практически вернулся к первоначальному архетипу христианского креста, тем не менее, оставив верхнюю перекладину на уровне католицизма и в цветовом архетипе лишь сместив акцент с фиолетовых на «синие тона протестантизма» [48; 49, p. 185], оппозиционные к золотой мишуре Конкисты и церкви. Иначе говоря, в протестантизме осталась неизменной

доминанта женственного и субдоминанта мужественного сознания при акцентированном характере маскулинных (S_m и Id_m) характеристик интеллекта. Быть может, это и объясняет высокий уровень креативности именно в протестантских научных исследованиях Запада.

В хроматизме же было постулировано лаконичное сочленение в цветовом круге двух равносторонних крестов (+ и x) как открытой системы, что вполне сочетало спокойствие и позитивность христианского креста (+) со смыслом всесторонней динамичности креста гендерного (x). Показательно, что и главные навершия саентологического креста следуют за протестанством, и вместе с тем дополнены «Розой ветров», указующих на интеллектуальное равенство гендерных характеристик всех прихожан. Иначе говоря, в цветовом круге находится гармоничное сочетание Троицы и Четверицы, на существовании которого настаивал К.Г. Юнг [35, с.251-255].

Сегодня хроматизм является единственной идеологией, в которой наука обосновывает религию, а религия выступает не за разъединение человечества – по конфессиональным, этническим или национальным признакам, – а за объединение, что и привело меня к архетипу восьмилучевой звезды хроматизма в виде хром-круга, который описывает не только все религиозные формулировки человечества в мировой/межконфессиональной имманентности религий (МИР'е), но и, что самое главное, – архетипические проявления компонентов АМИ и/или АМИГО каждого человека в открытой системе.

Наиболее наглядно эта информационная общность архетипических цветов Священных писаний представляется как информационная **модель имманентной религиозности** (МИР), которая в качестве первого приближения позволяет сформулировать весьма актуальную проблему объективной интерпретации реального положения дел.

Таким образом, «объединение различных религий», перманентно возникавшее в истории мировой культуры, можно промоделировать с помощью 'цвета' как архетипической характеристики любой данной конфессии. В

таблице 2 наглядно представлено хроматическое соответствие цветовой семантики и определенных конфессий. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать задачу построения межконфессионального цветового круга для каждой эпохи, а затем и объединение их в цветовом теле, на основе которого могут быть промоделированы и основные принципы генезиса мировой религии.

Таблица 2. Семантика цветовых канонов и мировых конфессий

Цвета и каноны	Функции и предикаты	Компоненты интеллекта	Религии
<i>Пурпур</i> – София, Св. Анна, Дева Мария	Ипостась интуиции и правосознание	Женственное сверхсознание	Православие
<i>Красный</i> – Ян, тела богов и воинов	Активность, <i>мускулы</i> , драки, войны	Мужественное бессознание	Тотемизм, Индуизм
<i>Оранжевый</i> = К+Ж, совместный, общий	Физическое развитие, питание, секс	ТЕЛЕСНОЕ ЕДИНЕНИЕ	Буддизм
<i>Желтый</i> – Инь, тела богинь и женщин	«жена...облеченная в солнце», <i>жирок</i>	Женственное бессознание	Конфуцианство
<i>Зеленый</i> – Ян, Осирис, Магомет, Робин Гуд	Самоутверждение «Я-концепции»	Мужественное самосознание	Ислам > США
<i>Голубой</i> – Инь, неба богини, «сердца дев»	Романтичность, гадания, «дамские романы»	Женственное подсознание	Иудаизм
<i>Синий</i> = Г+Ф, совместный, общий	Религиозность, работа, отдых	ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ	Протестантизм
<i>Фиолет</i> – Ян, Вишну, Кришна, Лель	Творчество, хобби, эстетство, игра	Мужественное подсознание	Католицизм

Разумеется, здесь сопоставлены исключительно репрезентативные эмпирические данные без каких-либо претензий на точность датировок, теоретическое обоснование выведенных архетипов и/или законченность оппозиционных сопоставлений. Т.е. все это, – лишь рабочая модель, которая, разумеется, при участии заинтересованных лиц вполне может быть доведена до логического конца. Очевидно, при возможном объединении указанных архетипов (религий) человечество могло бы прийти (от существующего до сих пор религиозно-воинственного разъединения по различным региональным конфессиям) к объединяющей его Вере, образованной цветовыми канонами и архетипами своих предков, то есть культурно-религиозным опытом всего человечества.

Об этом говорит и глобализация экономики, и единство мировой культуры, и практически безграничный Интернет, и т.п. Поэтому можно полагать, что религия XXI века будет следовать за общественно-женственными тенденциями к объединению, но никак не к разделению, которое всегда было выгодно лишь мужчинам-политиканам («Разделяй и властвуй»), своекорыстно насаждавшим расовую, национальную и религиозную дискриминацию. И, вообще говоря, «сможет ли человек достичь конечной цели полного «повзросления», когда исчезнут поиск и конфликт (как этому учит буддизм), – рассуждает Э. Фромм [29, с.387], – или это станет возможным только после смерти (как это проповедует христианство), не должно нас здесь занимать. Гораздо важнее единая для всех гуманистических религий и учений «новая цель» и вера человека в то, что он может приблизиться к этой цели. (Если человек, напротив, ищет решений на регрессивном пути, то он будет неминуемо стремиться к полной потере человеческого облика, что равнозначно безумию.)».

Если же отдельные конфессии будут придерживаться принципа замкнутости и отстраненности, то мировой терроризм как «абсолютно-черный цвет» уничтожит и их в своем черном будущем. Против абсолютно-черного необходимо создание «абсолютно-белого» путем уважения памяти предков и сознательной «расшифровки» религиозных посланий прошлого. А это возможно лишь путем объединения всех конфессий вокруг настоящего МИР'а. Для этого сегодня появилось достаточно оснований как в идеологическом, так и эстетическом плане.

Культура, природа и цивилизация.

В культурологическом измерении эстетический принцип сущностно-человеческой оппозиции и в «атомарной»/архетипической модели интеллекта (АМИ), и в АМИ с гендерной оппонентностью (АМИГО), и в МИР'е означает, что центром физических, интеллектуальных, эмоциональных и духовных вложений индивида будет, к примеру, не брак, не деньги, не дети, взятые сами по себе, а правильные отношения с другими. Так, тело и его связи не могут

быть банком капитализации, т. к. оно в любой момент может «обанкротиться», поэтому достойной формой вложений в культуру, по-видимому, может признаваться эстетика, область подлинного отношения к реальности. Без эстетического отношения два других отношения – утилитарное и теоретическое – самостоятельно не могут выступать долгосрочным фундаментом общественного развития [24, сс.21-22, 105-106]. И, на мой взгляд, это было доказано последним столетием упадка нашей культуры, обусловленного отсутствием объединяющей человечество веры и/или идеологии, оформленной в архетипически канонизированные устои общества.

Так, например, анализ проблемы мужского и женского показал любопытную особенность, при которой можно наблюдать зачастую полное несовпадение явленного и скрытого, в основе чего лежит нравственная оппозиция сознательных и бессознательных побуждений членов общества. Этот разительный разрыв не осознается в виде дискурсивных структур и выступает на поверхность как бессознательные поступки и психологическая рефлексия, причем определенная типология такой рефлексии наблюдается не только у отдельной группы, например семьи, но и у всего социума [15]. Аналогичная картина наблюдается и с цветом как характеристическим свойством архетипического представления человека о качестве многих из сторон бытия, что было раскрыто мной в «Светоцветовой терапии».

К примеру, обратим внимание на то, как за последние годы изменялась политическая карта [6, с. 59-60]: «В советские времена все было просто: единое пространство, оно все красного цвета, мы великие и могучие, 1/6 часть суши, от тайги до британских морей... Потом оказалось, что регионы разные. Насколько разные, еще никто не представлял себе. А вот когда начались реальные выборы, то оказалось, что они бывают разные до противоположности: этот «зюгановский», этот «ельцинский» регион, этот демократический, этот консервативный. Пришлось выбирать цвета.

Понятно было с коммунистами: их покрасили красным цветом. Долго соображали, каким красить, условно говоря, демократов, реформаторов. Зеленым — это вроде «яблочный» цвет, отчасти еще ислам приплетался. Придумали покрасить синим. Правда, потом выяснилось, что в Сибири и на Урале «синими» часто называют уголовников. Был у нас неприятный случай с Жириновским. В 1995 году ЛДПР мы покрасили коричневым цветом, а они обиделись. После этого мы политически корректно перекрасили их в фиолетовый. Когда появился Путин, мы покрасили его сторонников в цвет морской волны. Если помните, у Алексея Константиновича Толстого был «лазореный полковник» в стихотворении, которое называлось «Сон Попова». Действительно, каким цветом было раскрашивать «Единство»? «Отечество», поскольку там люди не жадные, мы покрасили золотистым, но потом он поменялся на желтый, просто потому, что на телевидении цветопередача пониженная. А потом это вошло в обиход. И уже говорят: «синий регион», «красный пояс».

И как здесь не вспомнить Э. Фромма [29, с.386], заключавшего, что природа, или сущность человека «не является такой специфической *субстанцией*, как добро или зло, а является *противоречием*, которое заложено в условиях самого человеческого существования». И, как мне кажется, это противоречие наиболее наглядно проступает между понятиями «культура» и «цивилизация», которые вслед за американскими прагматиками и наши теоретики стали считать чуть ли не синонимами.

Понятно, что идея культуры трактуется в зависимости от условий и обстоятельств того времени, в котором существуют и мыслят ученые. Поэтому множество образов культуры фиксирует лишь основные вехи в исторической жизни человечества. Сегодня же, в частности, большинство авторов, критикующих классические работы Шпенглера, Тойнби, Сорокина и др., практически уравнивают культурологическое значение понятий «культура» и «цивилизация»: «цивилизация есть *способ существования* человеческих

сообществ, возникший на основе общественного разделения труда, роста производительных сил, численности населения. Она представляет собой *социокультурное образование*, т. е. включает в себя социальные и культурные начала жизни общества в их органическом единстве. Это вполне традиционное понимание цивилизации, которого фактически многие придерживаются, хотя могут выражать и другими словами. В другом ключе цивилизация трактовалась классиками концепции локальных культур и цивилизации (Н. Данилевским, О. Шпенглером, А. Тойнби и в работах некоторых более поздних авторов). Однако в повседневном обиходе закрепилось понимание цивилизации, близкое тому, которое обозначено выше [23, с. 174].

Однако Шпенглер [33, сс. 126, 151] вслед за Гете утверждал, что у каждой культуры есть «свои новые возможности выражения, которые появляются, созревают, увядают и никогда не повторяются. Есть многие, в глубочайшей сути своей совершенно друг от друга отличные пластики, живописи, математики, физики, каждая с ограниченной продолжительностью жизни, каждая в себе самой замкнутая, подобно тому как всякий вид растений имеет свои собственные цветки и плоды, собственный тип роста и увядания. Эти культуры, живые существа высшего ранга, растут с возвышенной бесцельностью, как цветы в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гете, а не к мертвой природе Ньютона. Я вижу во всемирной истории картину вечного образования и преобразования, чудесного становления и прехождения органических форм. Цеховой же историк видит их в подобии ленточного глиста, неустанно откладывающего эпоху за эпохой».

Каждый легко может убедиться в том, что любое онтологически идеальное явление амбивалентно связано с материальным. Так, с одной стороны, **душу невозможно оторвать от тела без ее умерщвления, и/или культуру от «цивилизационной природы» конкретной эпохи.** Поэтому данные психологии, психофизики и/или физиологии взаимодействия «человек-

машина» дают мощные вспомогательные инструментарию для изучения базового уровня изучения культуры на уровне бессознания как компонента АМИ. Замечание А.Тойнби [25, с. 255] лучше всего проиллюстрируют данное положение: «Духовно озаренная Личность, очевидно, находится в таком же отношении к обычной человеческой природе, в каком цивилизация находится к примитивному человеческому обществу». Или как отмечал Шпенглер [33, с. 539], «человек культуры живет внутренней жизнью, цивилизованный человек – внешней, в пространстве тел и “фактов”... Отныне каждый оказывается материалистом в присущем только цивилизации смысле».

С другой стороны, если **душа человеческая имманентно принадлежит социуму, то и социальная психология, социология, этнология представляют** существенный интерес для культурологии, и, разумеется, интерес этот связан с актуальностью исследований социализации интеллекта как онтологически материального предиката, то есть интериоризованного общественного сознания относительно – более идеального – индивидуального сознания как компонента АМИ. Так, Тойнби [25, с. 450], полагая культуру «душой цивилизации», писал: «Система, которую мы называем обществом, состоит из общей основы соответствующих полей действия множества индивидуальных душ. Это фундаментальный принцип любой общественной системы – вне зависимости от того, находится ли общество в процессе роста или в процессе распада. Для каждой из возможных фаз социальной жизни в равной мере истинно то, что источником действия никогда не является само общество, однако всегда – некоторая индивидуальная душа. Действие, являющееся актом творения, всегда совершается душой, обладающей в некотором смысле сверхчеловеческим гением».

Если же по Шпенглеру [33, с. 151] «культуры принадлежат к живой природе Гете, а не к мертвой природе Ньютона», то в хроматизме получается, что цивилизации – это средства (Мт-план) существования и овладения природой (Ма-планом), а культуры – способы овладения этими средствами (Ид-

план). Следовательно, Ньютон создавал цивилизацию, а Гете – культуру, в чем мы уже неоднократно убеждались ранее, и о чем речь пойдет ниже как о «двух сторонах одной медали». Поэтому, когда мы встречаемся с отрицанием различий между цивилизацией и культурой при культурологической элиминации природы [1; 23], мы сразу же вспоминаем старую психологию, где в понятие «сознание» были сюрреалистически включены бессознательные процессы, а внешняя среда (включая и «светофильтры» одежд) просто игнорировалась.

Все это позволяет представить «атомарную» модель аксиолого-социальной семантики (МАСС), в которой онтологический М-план моделирует власть, Ид-план – интеллигенцию и С-план – остальную часть общества. Благодаря дифференциации хроматических атрибутов у нас появляется реальная возможность установления семантической связи между полученными в хроматизме репрезентативными данными по ахромным цветам и хром-планами АМИ (и/или МАСС): сознание (белый цвет социума – М-план АМИ), подсознание (серый цвет креативности – Id-план АМИ) и бессознание (черный цвет неизвестности – S-план АМИ).

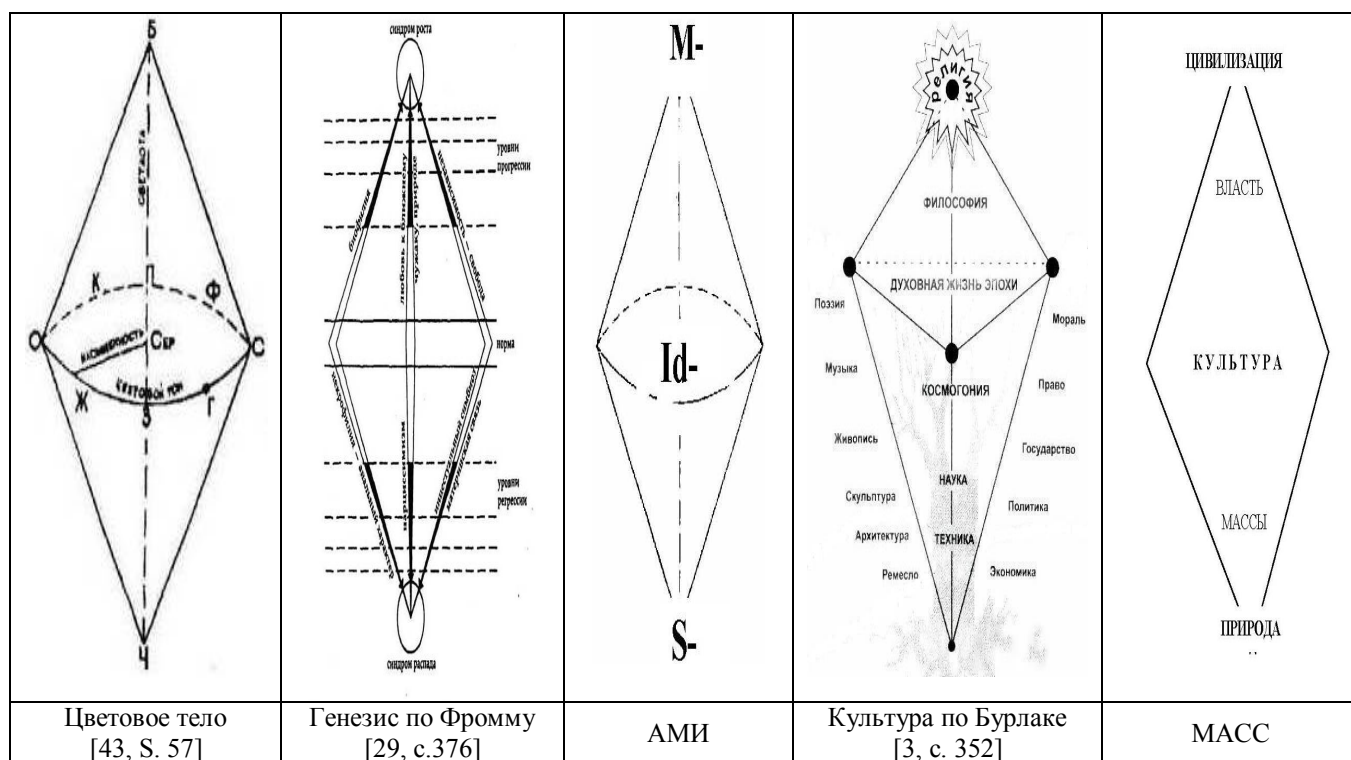

Рис.1. Переход от представлений цветового тела к социальным моделям онтологии

В связи с этим вспоминаются размышления Э. Фромма [29, с. 378-381] о том, что *человек видит свою вовлеченность в ужасный конфликт – он пленник природы, но, несмотря на это, свободен в своем мышлении, он часть природы и все же, так сказать, ее причуда, он не находится ни здесь, ни там. Это осознание самого себя сделало человека чуждым в мире, обособленным от всех, одиноким и преисполненным страха*. Сравнивая схематический образ МАСС на рис. 1, мы легко улавливаем и смысл промежуточных оттенков между ‘здесь и там’, между ‘белым и черным’, между цивилизацией и природой. Ибо, как отмечает И.А. Ильин [9, с. 4], «Культура есть явление внутреннее и органическое: оно захватывает самую глубину человеческой души и складывается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия».

Мне кажется, что с учетом баз знания в табл.1-3, на семантике которой зиждется МАСС, вряд ли кто будет спорить с тем, что в N условиях начального периода перестройки интеллигенция закономерно оказывалась оппозиционной к власти, тогда как в E условиях начала 90-х годов она перешла к практическому сотрудничеству. В настоящее же время, когда относительно стабилизировались и социальные, и экономические отношения, интеллигенция, разумеется, снова оказалась в оппозиции. И можно было бы заметить, что та ее часть, которая «тесно» сотрудничает с властью, согласно МАСС, представляет собой нечто среднее между Ид- и М- планами, т.е. по существу уже является не интеллигенцией, а «цивилизационной составляющей» власти.

Но если определять сущность человека, исключительно по Фромму [29, с. 380], «не как данное качество или субстанцию, а как *противоречие, имманентное человеческому бытию, где речь, по существу, идет об антагонизме, ставшем уже классическим: человек является одновременно телом и душой, ангелом и зверем, он принадлежит к двум конфликтующим между собой мирам*», то вряд ли когда мы поймем тысячелетиями воспроизводившуюся

триаду человеческого естества: дух, душу и тело. Ибо информационные модели хроматизма и, в частности МАСС убедительно раскрывают смысл и значение 'культуры' как духовного содержания цивилизации, только благодаря которому и «снимается» пресловутый антагонизм между 'цивилизацией' и 'природой'.

И, вероятно, подразумевая это, Фромм констатировал [29, с. 386], что *даже в такой прогрессивной культуре, как наша сегодняшняя, многие принадлежащие к ней люди проявляют весьма сильные регрессивные тенденции, которые, впрочем, оттесняются в ходе нормальной жизни и выходят открыто на поверхность только при особых условиях, например во время войны.* Именно войны, - добавим мы, - и в нашем случае, - войны с коррупцией. Ведь, если наши предки жили и воспитывались в 'честности' перед собой с мыслями о 'чести' перед обществом, то сегодня последняя «не в чести» среди наших правителей. Не зря же мы всегда относили коррупцию к Е условиям – это именно гражданская война с обществом, где, по Фромму, и обнажается вся та несправедливость/бесчестность, с которой по природе своей раньше боролась интеллигенция, – «шестым чувством» познававшая духовные «флюиды масс», задавленных чиновничьим беспределом цивилизации. Бесчестной цивилизации, стоящей на краю пропасти.

Граничные условия существования социума

Дифференциация граничных условий включает такие понятия как «ситуация» и/или «измененные состояния сознания» в психологии, «риск» в социологии, «контекст» в психолингвистике и/или антропологии и др. Поэтому-то необходимость целостного подхода к исследованию граничных условий и комплексного анализа их особенностей диктуются необходимостью решения как общих проблем существования человечества, так, в частности и адаптации экспертов к критическим факторам, и повышению их профессиональной надежности. С одной стороны это связано с повышением психоэмоциональных нагрузок, которые испытывают лица, работающие при резких сменах с N на Е условия.

С другой стороны это обусловлено возрастанием значимости субъективных факторов, связанных с неопределенностью, неполнотой первичной информации, поступающей к эксперту от окружающей изменившейся обстановки. При этом Е условия могут возникать в результате умышленного или неосторожного поведения лиц, создающих критические ситуации, и характеризуются крайним дефицитом времени на обдумывание и принятие решения; помимо изменения лимитов времени Е условия могут быть вызваны и целым рядом личностных факторов: в частности они могут включать и изменения условий межличностной коммуникации, и отношений, возникающих в результате разделения функций между различными экспертами, выполняющими общую деятельность и т.д. [21; 36].

Анализ литературы [21; 31; 34; 36] показывает, что на современном этапе развития психологической информатики, – несмотря на социальную востребованность и практическую направленность, – в теории граничных условий не разработана собственная система категорий, не прояснена связь используемых понятий с психологическими представлениями, не выявлены пути и механизмы преодоления критических ситуаций.

Вопреки тому, что одной из важнейших сторон действия эксперта в измененных (N или E) условиях является изучение поведения и деятельности человека, до сих пор не разработана какая-либо достаточно четкая классификация психических состояний человека даже для N условий [13, с. 244-246]. При описании же и анализе состояний человека, находящегося в Е-условиях, особо важную роль начинает играть их субъективная сторона, то есть субъективное отражение, как самого состояния организма, так и определяющих его условий [21]. Поскольку в общем виде Е условия определяются воздействием как социальных и/или личностных факторов, так и природных катаклизмов, то можно представить их классификацию в табл.3:

Таблица 3. Классификация экстремальных условий существования общества

Факторы	Стихийные	Социальные	Личностные
I Чрезвычайно опасные (связанные с летальным исходом)	Применение противником современных средств поражения (МЧС)	Трудности войны и послевоенного восстановления при	Преступления, связанные с использованием техники, терроризм ¹
	Неожиданные вредоносные воздействия стихийных сил природы (ураган, шторм, землетрясение, обвал, взрыв и пр.)	Коррупция в госаппарате – условия для социальной стабилизации и/или легитимации действий криминальных структур в обществе	Антиобщественные действия, отвлекающие внимание или дезорганизующие нормальную деятельность
II Особо опасные (потенциально предвещающие I категорию)	Условия природной среды, вызывающие нарушения функциональной деятельности организма на	Слабость правоохранительных органов – условия для противоправных действий	Ситуации, в которых интеллект, исчерпав резервные возможности, не может обеспечивать
	Неожиданные события из-за техногенных катастроф	Бесконтрольность действий юридических лиц – аварии,	Игнорирование информации об опасных
	Изменение условий среды, происходящее внезапно и приводящее организм к порогу дезадаптации	Непрофессионализм властей всех уровней и/или отсутствие прямых/обратных связей со специалистами	Отсутствие решений/действий, способных предотвратить наступления E условий
III Опасные (потенциально предвещающие II категорию)	Неожиданность наступления и	Политические, этнические, социальные, религиозные,	Неадекватная оценка воспринятой информации,
	Экологическая обстановка в быту и на производстве	Этическая/правовая обстановка в быту и на производстве	Незнание или пренебрежение правовыми нормами; миграция

Примечание к табл.3. Согласно определению В.В. Щеблановой [34, с.97], терроризм – это рискогенное явление, радикальный фактор изменений, инициируемых угрозой насилия или применением насилия в политических целях.

Обратим внимание на тот факт табл. 3, что E условия III категории в качестве стрессовых могут актуализировать и потенциальные возможности эксперта, как правило, незаметные в N условиях. Поэтому дальнейшее изучение фактора стресса в процессе изменения граничных условий дает возможность наметить и пути использования этого фактора для успешного решения проблемы адаптации эксперта к изменяющимся граничным условиям.

Длительные же состояния эмоционального напряжения в E условиях II и I категорий могут отрицательно сказываться на процессе деятельности эксперта вплоть до возникновения необратимых нервно-эмоциональных срывов. Так, на лиц, которые находятся в E условиях, действует множество поражающих факторов, психогенное воздействие которых складывается не только из непосредственной угрозы жизни человека, но и с опосредованной, связанной с ожиданием ее реализации уже на стадии III категории E условий. Имеются данные о том, что подавляющее большинство лиц после внезапно возникшей

жизнеопасной ситуации II и I категории даже при отсутствии физических травм являются (особенно вначале развития ситуации) практически нетрудоспособными.

Строго говоря, изучение профессиональной надежности эксперта при работе в N и/или E условиях с позиций системного подхода требует ее многопланового рассмотрения. Ибо, как подчеркивал Б.Ф. Ломов [14, с. 92], *когда исследуемое явление рассматривается как некоторая система, то главная задача здесь состоит в том, чтобы выявить составляющие этого явления и способ их организации*. Поскольку же процессы деятельности эксперта характеризуются в первую очередь наличием определенных управляющих процессов, то управление в этой системе можно представить путем обмена информацией, что позволило нам развить данные идеи до их представления на уровне определенных компонентов интеллекта, обозначаемых онтологическими планами «атомарной» модели интеллекта (АМИ): сознание (M-), подсознание (Id-) и бессознание (S-), и/или модели аксиолого-социальной семантики (МАСС): власть (M-), интеллигенция (Id-) и массы (S-).

Ибо интеллект активно систематизирует все явления окружающего мира преимущественно по их семантическим свойствам, которые неосознанно воздействуют на решения эксперта. Поэтому вряд ли кто будет спорить с тем, что родовое понятие “человек” никак не способствует реальному представлению АМИ, ибо на практике функциональные действия экспертов разного пола и/или гендера весьма различаются в зависимости от N или E условий.

Рассмотренные выше положения ранее привели нас к выделению качественных границ регулирования поведения человека в психоинжиниринге, в социальной психологии и в хроматизме. С позиций же информатики каждая из сфер атомарной модели интеллекта (АМИ) и/или модели аксиолого-социальной семантики (МАСС) характеризовались определенными функциями

и планами, представленными нами ранее в «Психологии социальных инноваций».

На основе хроматических сопоставлений данных современной науки с высказываниями Отцов церкви мне довелось раскрыть многовековую семантику триады «дух-душа-тело» на примере АМИ в «Природе человека». И если в патристике душа и тело, – в отличие от духа, – оказались существующими в своем неразрывном единстве, то хроматическое сопоставление души (М-) и тела (С-) – как противоречиво-женственных составляющих воспроизводство мироздания (М-плана социума и С-плана человека) – позволили полагать дух составляющей мужественности. Здесь же, в свою очередь, семантическая близость АМИ и МАСС указывает нам, что оптимальным вариантом для власти в N условиях являются ‘природно-белая’ социальность сознания женщины, но никак не ‘серые’ тона искусно социализированного мужчины. Ибо тезаурус мужчин намного беднее, чем у женщин, и социализация их искусственна, и правосознание у них не просто отсутствует, а нивелируется в ‘серых буднях’ сегодняшнего дня из-за доминантного самосознания, стремящегося к рыночному культу телесности. Иное дело E условия, в которых, как мы видели в «Цвете культуры», мужчины, действительно, могут проявить свои таланты, включая власть, а бывает, и честь.

Однако о какой ‘честь’ задумывается нынешняя власть если «опускает» интеллигенцию ниже масс, по крайней мере, на уровне быта (российский профессор получает в 2 раза меньше рабочего). Ну, - возразит нам оппонент хроматизма, - *это лишь рудименты советской власти, которая, стыдно признать, называла интеллигенцию «вшивой», вытравляла ее «философскими пароходами», высылками за границу, отбыванием «наказания» в ГУЛАГЕ, лечением в психушках и т.п. и т.д.* Сегодня же все не так, - заявит наш оппонент и снова будет неправ. Ибо «интеллигенция» зиждется на ‘интеллекте’, на ‘информации’, на генезисе культуры, только из которой и может исходить цивилизация. МАСС же нам наглядно показывает, что для

власти (М-плана) информация Id-плана интеллигенции ничего не значит, поскольку для радио (для формальной логики М-плана) 'нового', т.е. идей не существует, по определению. И, несмотря на затраты на «образование», власть наша доказывает это тем, что «руки рабочего» стоят дороже интеллектуального генезиса культуры, что честной интеллигенции вообще не надо платить (чтобы она не мешалась под ногами власти), а продажную «интеллигенцию» и покупать не надо (сама себя обеспечит рыночным «гламуром»).

Быть может, потому-то и наступает предел терпения 'ноосферы' (Солнца ли, или Бога), внимающей «флюидам интеллекта и чести» и, в свою очередь, вызывающей к честности власти, что Е условия жизни не может продолжаться «вечно»... Если же, согласно АМИ/МАСС, именно 'ЧЕСТЬ' является необходимым и достаточным условием гармонии между божественной природой масс и цивилизационной составляющей власти, а интеллигенция не в состоянии объяснить власти этот закон (*пока циничная власть не прекратит коррупционную войну с ней и с массами, Е условия так и будут продолжаться*), то неизбежен и конец существования культуры: образ 'МАСС' начинает переворачиваться «вверх ногами», - что мы уже наблюдали в 1917, в 1990-х, и снова наблюдаем сегодня.

Заключение

На примере построения информационных моделей интеллектуальных, религиозных и социальных отношений мы убедились, что системно-функциональный подход хроматизма состоит в комплексном, многостороннем, междисциплинарном изучение объекта. И даже если мы брали в качестве цели системно-функционального анализа отдельную вещь, хотя и взаимодействующую с другими, такую как интеллект, религия, социум, мы изучали не столько свойства вещи с точки зрения ее целостности и не столько функции этой вещи, сколько то, как эти функциональные свойства делают вещь системой, которая, в свою очередь, превращается в элемент системы, включающей данную [22, с. 17].

Строго говоря, представленные модели (АМИ, МИР, МАСС) зиждутся, во-первых, на базах данных, документированных мировой культурой, и, во-вторых, на сущностных отличиях цветового метаязыка перцептов от вербального, – прежде всего, большей подвижностью семантических значений собственных контекстов. Контекст же, как связная целостность, обеспечивающая согласованность своих частей, в хроматизме является носителем целостного значения и рассматривается как основа, цементирующая отдельные знаки зависимостью от заданных факторов (N или E условия, страта, гендер, времена и др.). Ибо **характеристическим свойством цветовой модальности является оппонентный характер переработки перцептов как идеальных распредмеченных образов, сущностно характеризующих имманентную противоречивость компонентов человеческого интеллекта.** Подчеркну, что оппонентный характер отработки стимулов не существует и не может существовать для осязания, обоняния, вкуса, слуха, речи или письма в силу их относительно материальных предикатов.

Благодаря этому свойству цветового тела и/или круга в хроматизме и стало возможным моделирование сложных саморазвивающихся (информационных) систем. Именно это свойство цвета – как и его хром-планов при релевантной семантической дифференциации каждого цвета – позволило полагать рассматриваемую методологию достаточно обоснованной для научного анализа сложных культуролого-социологических систем, потенциально включающих разнородные объекты исследования. Поскольку принятое нами определение «цвета» включало в себя хроматические планы множества разнородных вещей и их отношений, то с помощью этих планов мы легко могли анализировать и классифицировать и самые «бесцветные» вещи.

Итак, приведенные примеры наглядно показали реальную возможность методологического построения адекватных информационных моделей, которые раскрыли нам семантическое наполнение сущностных предикатов социальных

взаимоотношений интеллигенции, нередко элиминируемых в абстрактно-понятийных схемах культурантропологии, социологии, психологии.

Список литературы

1. Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. 2-е изд. М.-СПб.: СПбГУ, 2006. 720 с.;
2. Астэр И.В. Современное русское православное монашество: социально-философский анализ. СПб: Архей, 2010. 199 с.
3. Бурлака Д.К. Метафизика культуры. СПб: РХГА; СПбГУ, 2007. 352 с.
4. Виппер Р.Ю. Рим и раннее христианство. М.: АН СССР, 1954. 268 с.
5. Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004. 526 с.
6. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. М.: Флинта; Наука, 2004. 248 с.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
8. Древнекитайская философия. М.: ПринТ, 1994. 524 с.
9. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека. СПб, Наука 1994. 542 с.
10. Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1993. 432 с.
11. Корбен А. Световой человек в иранском суфизме. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.w3.org/1999/xlink>]. Дата обращения: 17 января 2012 года.
12. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Золотой Век, 1995. 402 с.
13. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980. 392 с.
14. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 226 с.
15. Маслов А.А. Образы маскулинности-фемининности и супружеских отношений в традиционном Китае. // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб: Наука, 1991. С. 56-76.

16. Мацумото Д. Психология и культура. СПб: Прайм-еврознак, 2002. 416 с.
17. Миронова Л. Н. Цветоведение. Мн.: ВШ, 1984. 286 с.
18. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Междунар. отношения, 1995. 560 с.
19. Сафиуллина К. Цветовая символика в исламе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-author> Дата обращения: 17 января 2012 года.
20. Сиверцев М.А. Межрелигиозный диалог в условиях цивилизации. // Человек, 2002, № 5. С. 76-87.
21. Суарэс Т.П. Проблема классификации измененных состояний сознания [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bsmu.by/news.html>; Дата обращения: 17 января 2012 года.
22. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. М.: ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 448 с.
23. Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.
24. Тимощук А.С. Эстетика ведийской культуры. Владимир: ВЮИ, 2003. 112 с.
25. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
26. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: ИПЛ, 1990. 622 с.
27. Торчинов Е.А. Религии мира. СПб: Петербургское Востоковедение, 2000. 384 с.
28. Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 424 с.
29. Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ, 2004. 572 с.
30. Хеллер М. Творческий конфликт. М.: ББИ, 2005. 216 с.
31. Шалев О.А. Характеристика экстремальных ситуаций и их влияние на человека. // Вестник интегративной психологии, 2006, Вып. 4. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <http://drupal.psychosfera.ru/?q=node/1272> Дата обращения: 17 января 2012 года.

32. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М.: Наука, 1985. 176 с.
33. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, Т.1. 1993. 664 с.
34. Щербланова В.В. Феномен терроризма в ракурсе рисков социальных изменений. // Журн.социологии и социальной антропологии, 2010, №2(51). С.83-99.
35. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
36. Юрьев А.И. (Ред.) Стратегическая психология глобализации. СПб: Logos, 2006. 512 с.
37. Brémond É. L'intelligence de la couleur. P.: Albin Michel, 2002. 255 p.
38. Forman Y. (Red.) La couleur: nature, histoire et décoration. P.: Le Temps Apprivoisé, 1993. 256 p.
39. Gage J. Color and culture. L.: Thames & Hudson, 2005. 335 p.
40. Gage J. Color and meaning. Art, Science and Symbolism. Thames & Hudson 2000. 320 p.
41. Garfield S. Mauve: How One Man Invented a Colour that Changed the World. L.: Faber & Faber, 2000. 158 p.
42. Green-Armytage P. Colours: Regulation and Ownership. Colour: Design & Creativity, 2009, Issue 4 www.aic-color.org/journal/2009/4/094contents.htm (accessed January 21, 2010)
43. Küppers H. Farbenlehre. Köln: DuMont, 2005. 192 S.
44. Lenclos J.-P., Lenclos D. Colors of the World. N.Y.-L.: W.W.Norton & Co, 2004. 288 p.
45. Pang M. A. Dragon Emperor. Melbourne: National Gallery of Victoria; 1988. 138 p.
46. Social Performance. <http://toislam.ws.pandastats.net> (accessed January 21, 2010)

47. Montgomery Watt W. Muhammad at Medina
<http://www.archive.org/details/muhammadatmedina029655mbp> (accessed January 21, 2010)

48. Pastoureau M. Bleu. Histoire d'une couleur. P.: Seuil, 2004. 224 p.

49. Pastoureau M. Dictionnaire des couleurs de notre temps. P.: BONNETON, 1999. 255 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Серов Николай Викторович, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

12-я линия, д. 13а, 199178, г. Санкт-Петербург, Россия

n.serov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Serov Nikolay Viktorovich, Doctor of Cultural Science, Professor, Department of Philosophy & Cultural Sciences

Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

13a, 12th Line, 199178, St. Petersburg, Russia

n.serov@gmail.com